

Владимир Храмцов. Вариации на тему Рока

(Цветаева - Рильке - Пастернак: "роман троих". Лит. Сценарий)

ПРОЛОГ

Слово "рок" она всегда писала с большой буквы: как свое имя - Марина. Так, словно Марина и Рок - одно слово. Рок и - Марина Цветаева...

При жизни ее печатали мало. В Праге - журнал "Воля России", в Париже - журнал "Современные записки" и газета "Последние новости"... Эти периодические издания были чуть ли не единственной ее опорой. Однако...

Она знала, что в грядущем будут знать лишь великую поэтессу Цветаеву и пророчила себе славу. Еще в 1913 году, в Коктебеле, она написала такие строки:

...Моим стихам, как драгоценным винам,

Настанет свой черед.

В ее словах вообще было что-то демоническое, приводящее в трепет, роковое, как нож гильотины:

...(Не черным-черна

Ночь, черна -черным!

Оболочки радужной

Киноварь, кармин -

Расцедив сетчаткою

Мир на сей и твой -

Больше не запачкаю

Ока красотой)...

Вспоминая о своих встречах с Цветаевой, Арсений Тарковский писал:

"Она была страшно несчастная, многие ее боялись. Я тоже - немного. Ведь она была чуть-чуть чернокнижницей".

Чернокнижницей! Все равно, что ведьмой: и тех и других когда-то сжигали на кострах. За колдовство. За пророчества...

Трудно сказать, как бы отнеслась Церковь (например, в XV-м веке) к ее стихам, многие из которых действительно можно считать пророческими.

Но была одна история в жизни поэтессы достойная костра "святой инквизиции".
Необыкновенная, сказочная, не допускающая земных формул история ее любви к поэтам
Райнера Мария Рильке и Борису Леонидовичу Пастернаку...

Все трое - они знали друг друга практически лишь по письмам и стихам...

* * *

Эта история любви началась в 1922 году, когда Пастернак прочел только что изданный Госиздатом сборник ее стихов под названием "Версты".

Коли милым назову - не соскучишься

Богородицей слыву - троеручицей...

"Меня сразу покорило лирическое могущество Цветаевской формы кровно пережитой, не слабогрудой, круто сжатой и сгущенной, на запыхивающейся на отдельных строчках... Какая-то близость скрывалась за этими особенностями..." - напишет в своих воспоминаниях Борис Пастернак много лет спустя.

Цветаева жила теперь в Праге. Она эмигрировала не по политическим мотивам, но оставила любимую Россию из-за своего мужа - бывшего белогвардейца Сергея Эфрана, который, после долгого молчания, в 22 году наконец прислал ей письмо в Москву и сообщил свой адрес в Чехии.

Сраженный словом Пастернак написал Цветаевой воодушевленное письмо. Затем выслал в Прагу сборник "Темы и вариации"...

Повелевай, пока на взмах

Платка - пока ты госпожа

Пока - покамест мы впотьмах,

Покамест не угас пожар.

...Цветаева, быть может только из деликатности, попробовала вникнуть в его стихи. Прочла. И - "...обожглась, обожглась и загорелась, и сна нет и дня нет. Только Вы, Вы один..." - писала она в ответ.

Так завязалась их многолетняя переписка...

Это через тридцать с лишним лет Бориса Пастернака будут знать во всем мире, как выдающегося русского поэта и "продолжателя благородных традиций великой русской прозы"; лишь в 1958 году весь мир прочтет его роман о Юрии Живаго, за который автор будет удостоен Нобелевской премии и... анафемы на родине. А тогда - в 20-х годах - поэт Борис Леонидович Пастернак был мало кому известен.

Но Цветаева видела его будущее.

Так кто же она? Ясновидящая? Прорицательница?

"...(Кстати: внезапное озарение: Вы будете очень старым, Вам предстоит долгое восхождение,- пишет она в письме Пастернаку,- постарайтесь не воткнуть Регенту палки в колесо!)... А знаете, Пастернак, Вам нужно писать большую вещь. Это будет Ваша вторая жизнь, первая жизнь, единственная жизнь."

Вот она - "палка в колесо Регенту" - роман "Доктор Живаго"!

Цветаева обращалась к нему в своих письмах на "вы" и не иначе, как - Пастернак: Он тоже не смел сказать ей "ты" до самой весны 1926 года...

В одном из писем своему другу Роману Гулю, Марина Цветаева написала, что ее сын Георгий или, как она его звала - Мур родился от Пастернака.

А ведь они встречались друг с другом лишь мимолетно: еще в Москве, на поэтических вечерах, и сказать, что до начала переписки они были знакомыми, - было бы преувеличением.

Настоящую поэзию (живопись, музыку - все гениальное) трудно, почти невозможно постичь сразу. Постичь, принять и полюбить с первого взгляда, с первого аккорда, с первой строчки...

"Цветаева не доходила до меня", - будет вспоминать Пастернак.

"Не доходила"!..

А теперь... теперь он был в нее влюблен. Она ему снилась...

Он поехал в Прагу. Но Цветаевой там не застал.

Двумя годами позже они оба в одно и то же время приезжали в Берлин, но снова разминулись... Очевидно им было так суждено: знать друга лишь по письмам.

И вот настал 26-й год... Цветаева переехала жить во Францию.

Пастернак, после несостоявшихся встреч решил, что признается ей в любви... заочно.

Любимая - жуть! Когда любит поэт,

Влюбляется бог неприкаянный.

И хаос опять выползает на свет,

Как во времена ископаемых.

"Ты моя безусловность, - напишет он ей в конце марта 26-го года. - Сильнейшая любовь на которую я способен, только часть моего чувства к тебе..."

С этих пор они стали говорить друг другу "ты"...

После этого признания, Пастернак еще с большим рвением торопился увидеться с ней. И спрашивал в письме: "Ехать мне к тебе сейчас или через год?.."

Цветаева отказалась от этой встречи. Она любила его - как друга, как поэта, как человека - любила бесконечной любовью души - Психеи, но страшилась "всеобщей катастрофы" - любви Евы.

"Что бы мы стали делать с тобой в жизни?" - спросит она когда-то Пастернака. "Поехали бы к Рильке" - ответит он. К Рильке. В Швейцарию...

Райнера Мария Рильке иногда называли поэтом-отшельником. Он жил в Швейцарских Альпах, в своем небольшом замке под названием Мюзо. Рядом с ним не было никого за исключением слуг, "высшее общество" Рильке не привлекало. Он уже разменял шестой десяток и был в Европе достаточно знаменит, чтобы позволить себе рай одиночества.

Что ж, стены "шате де Мюзо" были надежной защитой от суевья окружающего мира, и, казалось, никто, ни одна посторонняя душа в этот замок уже не проникнет...

Если Борис Пастернак был для Мариной Цветаевой равным, то этого нельзя было сказать о Райнере Рильке, который существовал для нее в поднебесье - неким божеством, был наравне с Гете - Орфеем явившемся в Германии.

Пастернак тоже относился к Рильке, как к властелину поэтических тайн, как к гению. Еще студентом университета он делал попытки переводить на русский его стихи.

Отец Бориса - художник Леонид Осипович Пастернак был другом Рильке и вел с ним переписку. Однажды, в одном из писем немецкий поэт заметил, что стихи Бориса Пастернака достойны похвалы... Такое заявление знаменитости, не могло оставить равнодушным Пастернака и побудило написать письмо с искренним выражением любви и уважения к Рильке и его стихам.

В качестве обратного адреса Пастернак указал не только свою Москву, но и поселок Сен Жиль-сюр-Ви в Вандее, где в тот момент Цветаева отдыхала с детьми

В то время между СССР и Швейцарией не было почтовых отношений. Отправленное напрямую письмо могло попросту не дойти к адресату.

Но у Пастернака были и другие и, возможно, более весомые причины общаться с Рильке через Францию... Он давно таил надежду познакомиться с Рильке. И хотел поехать к нему в Швейцарию вместе с Мариной Цветаевой.

В 22-м году Пастернак "в конверте" преподнес Цветаевой себя. Теперь - в 26-м - "подарил" ей Рильке ...

Рильке исполнил просьбу Пастернака без промедления и написал во Францию два письма русским поэту и поэтессе...

Узнал родственные души! Словно умел видеть через расстояния.

"Касаемся друг друга. Чем? Крылами

Издалека ведем свое родство.

Поэт - один. И тот, кто нес его,

Встречается с несущим временами".

Рильке - Рильке - Рильке... Цветаева давно мечтала познакомиться с ним. Но чтобы вот так, неожиданно, без ее участия, перед нею вдруг распахнулись ворота замка Мюзо?! Нет, это было выше и необыкновеннее любой мечты, заоблачнее любой сказки.

"Вы воплощенная поэзия. (...) Вы - то, из чего рождается поэзия и что больше ее самой - Вас", - пишет она "самому любимому на земле и после земли (над землей)" - Райнера Мария Рильке, и словно задыхается от счастья; и слова ее будто бы и не слова, но стихия...

...Но внезапно - ответ: "...если вдруг я перестану сообщать тебе, что со мной происходит, ты все равно должна писать мне..." Да как же так! Это просьба о покое? Деликатный отказ? Это - нелюбовь?..

Durch alle Welten, durch alle Gegenden

an allen Wegenden

Das ewige Paar der sich - Nie - Begegnenden

Через все миры, через все края - по концам дорог

Вечные двое, которые - никогда - не могут встретиться.

Это ее двустишие, обращенное к Рильке, могло прозвучать только на немецком...

Да нет же, она ошиблась! Он принял ее, всю - без остатка принял в свое одиночество и нежно благодарил ее за стихию:

"Марина, спасибо за мир!"...

Да только не мог он ей открыть одну свою тайну. Страшную тайну. По-настоящему страшную: Рильке был неизлечимо болен - белокровием. И поэтому не всегда мог вовремя отвечать на ее письма

И все же ему удалось убедить Марину в своей любви: вместе с очередным письмом он прислал ей "Элегию":

"Там, в мировой сердцевине, там, где ты любишь,

Нет переходящих мгновений (как я тебя понимаю,

женственный легкий цветок на бессмертном кусте,

Как растворяюсь я в воздухе этом вечернем, который

Скоро коснется тебя!"

Убедил...

Ну, теперь она сделает все, чтобы с ним встретиться!

"Райннер, я люблю тебя и хочу к тебе".

Она решила что непременно поедет к нему. Вот только справится с житейской суетой и - к нему! Конечно же сама. Конечно же без Бориса... "Прошлое еще впереди..."

А тем временем шли и шли лавиной любви и ревности письма из Москвы....

...Любимая - жуть! Когда любит поэт...

Что она могла теперь ответить Пастернаку? Он ей не снился. Он оказался лишним, добавочным, не вписанным в окоем....

Отныне, в этом мире существовал только Рильке. Но когда же наконец она увидит его.

Минула весна. Закончилось лето.

Чтобы поехать к Рильке, нужны были деньги, но Марине приостановили выплату писательской стипендии.

Свидание откладывалось на более поздний срок - на осень, а может быть, на весну следующего года.

Рильке торопил ее:

"Весной? Мне это долго. Скорее! Скорее!..

Лишь в середине сентября она наконец-то вырвалась из Вандеи и переехала жить в пригород Парижа - Бельвю и тут же послала Рильке открытку:

Дорогой Райннер!

Здесь я живу.

Ты меня еще любишь?

Марина.

Но Рильке этих слов не прочел.

...Вечные двое, которые -никогда - не могут встретиться...

Он уехал из замка Мюзо. В небольшое путешествие. И с начала октября почти два месяца жил в Сьере, в гостинице под названием... "Бельвю". Затем он вернулся в Валь-Монт, но не в Мюзо, а в клинику, где и скончался 30 декабря 1926 года от лейкемии...

"Прошлое еще впереди"?..

Она не совсем правильно цитировала стихи Рильке. Точнее было бы:

"Прошедшее еще впереди

И лежат в будущем трупы..."

Цветаева знала, что ей не суждено увидеть Рильке.

Потому что была... чернокнижницей?

" Я знаю себя: я бы не могла не целовать его рук, не могла бы целовать их(...) Борис, п(отому) ч(то) все-таки еще этот свет, Борис! Борис! Как я знаю тот. По снам, по воздуху снов..."

Это была судьба со своей неизбежностью. Это был Рок - как клеймо!

* * *

ЭПИЛОГ

В январе нового года, после долгого перерыва, Пастернак получил от Цветаевой письмо:

" Я тебя никогда не звала, теперь - время".

Марина приглашала его поехать вместе с ней в Лондон.

Нить Ариадны не могла , не должна была оборваться. Марина не хотела смиряться с Роком Ей нужен был кто-то, кто заменил бы Райнера, кто связал бы Ариаднину нить. Но ее Райнера, ее Борис были "не от мира сего" и не для мира.

"Я тебя никогда не звала..."

Обращаясь к Пастернаку, она звала Рильке.

Мертвого Рильке.

И Пастернак понимал это.

Он не ответил на ее письмо и не поехал с ней в Лондон. Он все еще продолжал ее любить. Но, видимо, уже смирился с Роком, еще раз убедившись, насколько справедливыми бывают слова поэтов:

...Das ewige Paar der sish - Nie - Begegnenden...

...Вечные двое, которые -никогда - не могут встретиться...

© KHRAMTSOFF,97,

©ALAMAN,2001

Автор: Владимир Храмцов

Источник: Литературный Web-журнал Аламан